
ЖИТИЕ СВ. ГРИГОРИЯ ДЕ ПИТИВЬЕ (новое прочтение житийного памятника)

КАРАГЁЗЯН Г. Л.

Житийная литература как исторический источник включает в себе ценный фактический материал, который позволяет воссоздать историю франко-армянских отношений в период средневековья и отчасти восполнить пробел в истории армянского народа. Безусловно, в этих памятниках житийные элементы начинают выдвигаться на первый план, наблюдается тенденция подогнать героев под общий тип “святого” – “христианского подвижника”, пользуясь при этом привычными шаблонами агиографического стиля. В основе этих житийных памятников лежит реальный исторический материал.

В этом аспекте привлекает внимание тип житий, в центре которого образ святого–миссионера, подвижника, проповедника христианской религии в Европе. К числу героев этой разновидности житий, наряду со святыми местного происхождения, относится значительная группа святых с Востока, в частности из Армении.

Направляясь из Армении на Запад – из страны в страну, из города в город, из замка в замок, из святилища в святилище, из монастыря в монастырь, армянские пилигримы выступали в роли транслятора удивительных рассказов, озабоченных европейцев с положением христиан на Востоке, с притеснениями и гонениями последних со стороны неверных, с историей стран Востока, в том числе и с историей своей родины. Можно представить, как в этот рассказ вкрапливаются фрагменты из “Историй” армянских историков, занимательные рассказы, бытующие в устном поэтическом творчестве. Особой притягательностью отличались рассказы о святых местах, о героях Ветхого и Нового Заветов. Тоска по “подлинным следам” миров иных обеспечивала этим христианским странникам-сказителям большую аудиторию. В своих повествованиях не обходили они молчанием и себя

самых, подлинных свидетелей нездешнего мира, уроженцев земли библейских патриархов, царей и пророков, Христа, Богородицы и Апостолов.

Эти занимательные расхожие рассказы дополняли местный литературный «репертуар». Хотя авторы этих чужеземных историй остаются порой анонимными – отсутствует констатация источника информации – мы уверены в том, что земля романской Европы сохранила этот культурный пласт для потомков и что пусть не одновременно, а через века, пусть в ином литературном облике, он проникнет в культуру этноса.

Для осуществления нашего литературного поиска обратимся к личности Григория де Питивье и его жизнеописанию. Наш выбор пал на Григория не случайно. Он обусловлен, с одной стороны, характером посвященного ему жития, типичного в ряду житий рассматриваемого вида, с другой – местопребыванием святого – городом Питивье, расположенным во Франции, близ Орлеана.

Так, согласно житию¹ анонимного автора, Св. Григорий де Питивье родился в Армении² – в Никополисе³, во второй

¹ Рукопись жития, написанная на латинском языке, долгое время хранилась в аббатстве Сен-Месмен. Она была издана в 1615 году Шарлем де ля Сосэ (Charles de la Saussaye) и вошла в «Анналы» церкви Орлеана. Ученые отцы Болландисты включили ее в «Жизнеописание святых» («Acta Sanctorum», «Vie des Saints»). Мы же использовали «Житие Св. Григория», изданное в XIX веке Виделлем. Оно является дословным переводом латинской рукописи XI века (см.: *Vie de S. Grégoire, Archevêque de Nicopole en Arménie, Solitaire dans un bourg, du diocèse d'Orléans, Pithiviers, de l'imprimerie de Videlle*). Подробный пересказ жития был дан Симфориен Гуйон-ом в «Истории церкви, епархии, города и университета Орлеана» (Symphorien Guyon, *L'histoire de l'église, diocèse, ville et université de l'Orléan, à Orléans, 1647, p. 305-311*).

² Жерар Дедеян убежден, что Св. Григорий родом не из Великой Армении, а из Восточной Каппадокии – Малой Армении (см.: G. Dédéyan, *Les Arméniens en Occident fin X-e-début XI-e siècle - In: Actes du IX Congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur, Dijon, 1979-1980, p. 127*).

половине X века, в знатной и богатой армянской семье. Получив хорошее образование, он преуспевает в науках. Однако больше всего его увлекает религия. Он часами читает Библию. Вскоре по знаниям и подготовке он превзошел своих учителей. Юноша отличался не только умом, но и добрым сердцем. Спустя годы он раздает свое богатство бедным и уединяется в монастыре, расположенном в окрестностях Никополиса. Здесь он завоевывает всеобщую любовь и поклонение. *“Жизнь его походит скорее на жизнь ангела, чем смертного”*, – восклицают служители церкви.

Слухи о святости Григория доходят до архиепископа Никополиса. Последний приглашает его к себе и после долгих с ним бесед, удостоверившись в его глубоких научных и религиозных знаниях, назначает священником и поручает правление епархией. Перед смертью он делает Григория своим преемником. Став архиепископом Никополиса, он посвящает себя благородному делу обращения язычников⁴ в истинную веру.

В своих продолжительных молитвах он непрестанно повторяет вместе со святым царем Давидом: *“Господи, укажи мне путь, по которому я должен идти”*.

Ведомый Господом, он оставляет свой родной город Никополис и вместе с двумя путниками пересекает Италию, каждый раз спрашивая Господа: *“Не здесь ли мне остановиться?”*. *“Не здесь, иди дальше, иди!”*. И так он достигает Франции, и только в этой стороне Господь говорит ему: *“Это здесь!”*.

Вторая часть “Жития” описывает жизнь Св. Григория в Питивье. Здесь его, “божьего посланника”, принимает с

³ На Востоке существует несколько городов с подобным названием. В “Житии” речь идет об епископском городе, расположенном в Малой Армении. Никополис был включен в павликианское государство со столицей Тефрике. В 872 году византийские войска разгромили павликиан и уничтожили Тефрике.

⁴ Проповеди Св. Григория были обращены, по всей вероятности, к армянским дуалистам, поскольку, как было отмечено выше, Никополис примыкал к павликианскому городу Тефрике.

большой сердечностью священник Офрой (Aufroy, Arlefroy). Здесь же, в Питивье, ему снится мистический сон. Голос с небес произносит следующие слова: *“Григорий, сын мой, ты много страдал во славу божью и будешь страдать еще больше. Здесь (в Питивье) пришел конец твоим паломничествам. В двух тысячах шагах отсюда находится небольшая церковь святого Мартина в Верту (Saint-Martin-de-Vertou)⁵. Поскольку она заброшена и находится вдали от сует людских, жители назвали ее Saint-Martin - le - Seul [Solitaire] (Одинокий Сен-Мартен). Это и есть место твоего пристанища; я тебе приказываю провести здесь остаток жизни. Здесь ты и будешь погребен...”*.

Далее Св. Григорий отправляется к владелице этих мест Aloyse (Алис), просит у нее разрешения обосноваться в этих краях: *“Добрая слава о вас дошла до меня, и я спешу сообщить вам о своем намерении. Я, армянин благородного происхождения, архиепископ. Бог привел меня в эти края и указал на Saint-Martin-le-Seul. Однако я не могу здесь остановиться без вашего согласия...”*. На что Алис отвечает: *“Сеньор и отец наш, вы можете в моих владениях выбрать для жилья любое место, какое пожелаете”*.

Получив разрешение, Св. Григорий, некогда живший во дворцах Армении, поселился в гроте недалеко от церкви, и здесь он прожил отшельнической жизнью семь лет в неустанных молитвах и в суровых постах. И лишь в воскресенье и по праздникам жители Питивье подносили ему различные кушанья, которые он раздавал бедным. Иногда он приглашал священников на скромный обед и угощал их им же приготовленным армянским хлебом из меда и пряностей.

Далее в житии приводятся занимательные истории чудотворного характера, связанные с именем Св. Питивье. Приведем их краткое содержание:

1. Крестьянин, пренебрегший приглашением Св. Григория, подвергся преследованиям демона.

⁵ Vertou – главный город департамента Атлантической Луары.

2. История бедной и богатой женщин. Обе несли Св. Григорию испеченный ими хлеб. Богатая хвасталась белизной и пышностью своего хлеба, бедная же за неимением денег испекла черный хлеб. Однако когда они преподнесли хлеб Св.Григорию, свершилось чудо – хлеб богатой превратился в уголь, хлеб же бедной стал белым и пышным.

3. Среди трав, собранных Св. Григорием для еды, приоткрылся ядовитый корень *Arīorios*. Когда святой его промывал, то с ядовитой травы стала стекать кровь–предостережение свыше.

4. Дети и некий буржуа Отран посмеивались над отшельничеством Григория и обвиняли его в ереси. Последний своими речами заставил их плакать и просить прощение.

В заключении “Жития” описывается смерть Григория, его погребение в церкви Saint-Martin-le-Seul, посмертные чудеса, происходившие на его могиле, перенесение мощей по распоряжению Алис в церковь Святого Саломона в Питивье.

На протяжении девяти веков Св. Григорий оставался популярным во Франции и в соседних странах. В его честь была воздвигнута часовня, здесь же находятся связанные с ним реликвии.

Мы кратко пересказали содержание “Жития”, написанного на латинском языке современником Григория. Возникает вопрос, какая традиция протянула таинственные нити, например, от событий, связанных с жизнью Григория в Никополесе, а также истории предшественника Григория на архиепископский престол к житию XI века? От кого автор “Vita” узнал о легендах, связанных с именем святого? Каким образом дошли до Франции подробности приготовления армянского национального кушанья?

В житии имеется множество разнохарактерных и дополняющих друг друга сведений, восходящих к разным, подчас крайне далеким друг от друга источникам. Автор жития пишет, что он является свидетелем части изложенных событий, связанных с жизнью и деяниями святого. Другие же факты почерпнуты им из достоверных источников. Что же подразумевает автор под достоверностью источника? Это

люди, “достаточно часто посещавшие Григория и видевшие воочию пересказанное нами, а также некоторые из родственников и друзей святого, прибывшие из Армении в эту провинцию в надежде повидать его”⁶.

Как видим, источники написания “Жития” разнохарактерны. Их можно условно разделить на две группы:

- *первая группа* – жившие во Франции очевидцы событий, включая и самого автора;
- *вторая группа* – очевидцы событий, прибывшие из Армении.

Сообразно источникам, житие делится на две части: армянский период жизни Св. Григория и французский период его жизнедеятельности.

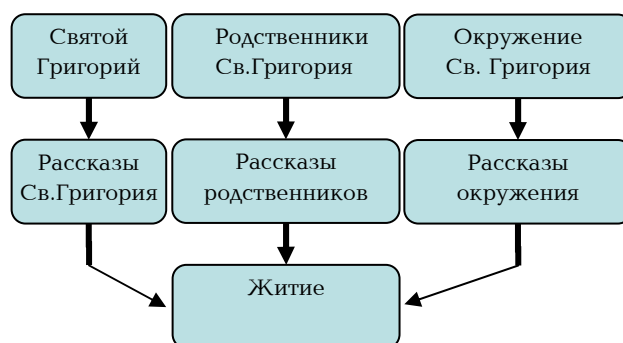
Если французский период деяний Григория был изложен на основе увиденного и услышанного самим автором и его окружением, то экскурс в “армянское” прошлое основывается на сведениях, заимствованных у родственников и друзей умершего. Не исключено, что сам Григорий был причастен к созданию жития: он, видимо, делился воспоминаниями о родине, пересказывал историю своей жизни жителям Питивье.

Эти рассказы, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение (мы имеем дело с эпохой, когда любили рассказывать и слушать рассказы), нашли свое художественное воплощение в упомянутом житии.

Безусловно, “скитаясь” во времени и пространстве, изначальный материал сдабривался все новыми и новыми историями, обрастал новыми деталями и пластами. Однако эти пласты, включая любые нововведения, интегрировались, суммировались в определенные стабильные структуры. Жанр диктовал свои законы: он выбирал из множества бытовавших в устной традиции рассказов о святом те данные и те детали, которые больше всего соответствовали требованиям жанра, и, наоборот, отметал все излишнее и ненужное с точки зрения жанра. Реализация автором неко-

⁶ *Vie de S. Gregoire...*, p. 36.

торых исходных, заранее заданных жанром правил, не умаляет литературной значимости житийного памятника.

Вернемся к материалу, использованному автором жития. Остаются неизвестными сведения, оказавшиеся за пределами повествования. Возможно, что оставшийся в тени материал представляет собой несравнимо бо́льшую ценность для истории литературы. Однако наше внимание привлекло не только то, что сказано в тексте преднамеренно, т. е. сообразно канонам жанра, но и то, что автор дает нам понять, сам того не желая.

“Среди житий святых раннего средневековья,—пишет известный французский медиевист Марк Блок,—по меньшей мере три четверти не дают нам никаких серьезных сведений о благочестивых личностях, чью жизнь они должны изобразить. Но поищем там указаний на особый образ жизни или мышления в эпоху, когда они были написаны, на то, что агиограф отнюдь не собирался нам сообщить, и эти жития станут для нас неоценимыми... При нашей неизбежной подчиненности прошлому мы пользуемся по крайней мере одной льготой: хотя мы обречены знакомиться с ним лишь по его следам, нам все же удастся узнать о нем значительно больше, чем ему угодно было нам открыть”⁷.

Житию “было угодно” нам сообщить о жизни святого, о его благочестивой деятельности во славу Христа, нас же, в

⁷ Блок М. *Апология истории*, М., 1986, с. 38.

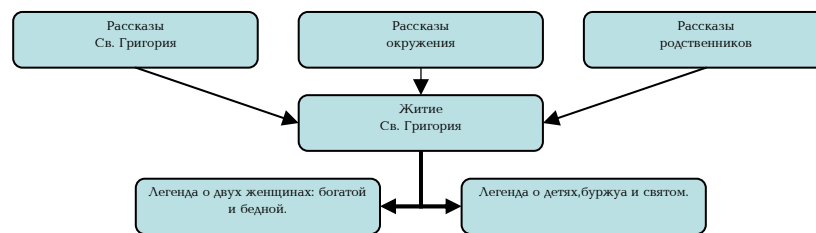
аспекте нашего исследования, заинтересовали легенды, которые были привлечены автором с целью демонстрации святости Григория. Религиозно-дидактическая направленность в сочетании с новеллистической занимательностью обеспечивали этим христианским легендам долгую жизнь и широкое географическое распространение. Эти рассказы восходят к фольклору, к устным преданиям и народным легендам. Для уяснения генезиса этой литературы небесполезно обратиться к сходным памятникам других литератур, в частности, к литературе Востока, где тем или иным образом выявляются близкие легендам мотивы. Использование Западом образцов агиографической литературы восточных стран – факт общепризнанный и неоспоримый. Мы не будем в данной статье заострять свое внимание на изучении процесса международного литературного обмена. Эта проблема требует отдельного углубленного исследования.

Введение автором в текст жития легенд – это не просто механическое их использование и добавление к культурному наследию, а важный стимул к его “тиражированию” в новом жанровом выражении. Так, церковные “Анналы” Орлеана (от 13 декабря 1879 года) содержат две любопытные поэмы, связанные с именем Григория де Питивье – обе поэмы являются литературными обработками легенд из рассмотренного нами “Vita”.

Время вырвало эти легенды из литературного ряда, в который был включен данный памятник, из литературной “среды” своего времени. Оказавшись вне текста, вне системы сюжетного повествования, эти легенды продолжали жить новой, самостоятельной жизнью. Они словно перешли в новое качество. Автономизируясь, легенды не теряют свою идейную значимость, они становятся все развлекательнее и увлекательнее: наблюдается усиление красочности, новеллистического элемента; персонажи легенд “помещены” во вневременной мир, повествование значительно расширено. Перед нами результат известной конвергенции жанров – городской сатиры и дидактики, в частности *contes pieux* или *contes d'ivots* (благочестивых рассказов, своего рода рели-

гиозно-назидательных поэм), а также моралите (стихотворных произведений морализирующего характера).

Таким образом, вошедшие в Житие Св. Григория де Питивье религиозные легенды “экспортируются” через века и, переходя в новое качество, начинают функционировать автономно. Проникновение же их в “Vita” обеспечивалось посредством устных рассказов как самого Григория, так и его родственников и окружения.

Вернемся к высказыванию Марка Блока относительно того, что “нам удастся узнать о нем (о житии) значительно больше, чем ему угодно было нам открыть”.

Так, в “Житии св. Григория Питивье” фигурирует Алис (Аэлис, Алоиз), владелица местности, где поселился Григорий. Мы решили воссоздать родословную Алис и выяснили, что Heloise, Aloyse, Alvisa (Alice) (960–1025 гг.)—старшая дочь Эда I, графа Шартра и Эрменгард (Ermengarde), внучка Тибо Плута и Летгард де Вермандуа, сестра Роже—епископа Бова и канцлера Франции, вдова Ренардуса, сеньора Питивье, мать Олдорикуса — епископа Орлеана (1021–1035 гг.), возглавившего посольство Роберта Набожного в Константинополь, к императору Константину IX. Будучи владелицей Питивье и округа, Алис восстановила феодальный замок и соорудила донжон, долгое время известный как башня “Aloyse”. Эпическая поэма Гарена де Лоэрена, сложенная спустя два столетия после ее смерти, прославляет “прекрасную Элоиз” и “великолепную башню”, которую она построила.

Детальное описание нами родословной Алисы было продиктовано гипотезой Жака Дешемекера. В своей диссертационной работе⁸, посвященной выявлению истоков дома d'Aremberg-ов, Жак Дешемекер выдвигает гипотезу относительно армянского происхождения имени Ermengarde-матери Алис. По убеждению Дешемекера, имя Эрменгард связано с фамилией Aremberg-ов, которая имеет армянское происхождение. Жены Арембергов, а фамилия эта встречается со времен короля Дагобера (первый дюк Франции–обладатель этой фамилии), носили, как правило, имя Эрменгард. Если предположить, что мать Алис–армянка, то становится вполне понятным радушный прием, оказанный ею св. Григорию, а также готовность предоставить ему право на поселение в ее домене. Не случайно, что сам Григорий при встрече с ней апеллирует к своему армянскому происхождению. Если допустить, что Алис имеет армянские корни и принять во внимание семилетнее пребывание Григория де Питивье в этих краях, а также посещение этих мест армянскими родственниками святого, то можно высказать предположение о существовании здесь небольшого армянского поселения. Сказанное подкрепляется еще и тем обстоятельством, что в XI веке имел место значительный приток мигрантов с Востока. Как сообщает видный исследователь истории армянских колоний А. Алпояджян, “с XI века в Италии и Франции, а также в Вероне, Турине, Тулузе и Орлеане встречаются опасные еретики восточного происхождения”⁹. Город Орлеан и его пригород (сюда входит и город Питивье) представляют большой интерес в плане изучения армяно-французских отношений в средневековый период. В этой связи заслуживает внимания сооруженная в городе Орлеане в конце IX–начале X веков церковь Сен-Дерре, которая, согласно утверждению И. Стржиговского, построена в армянском стиле, а также церковь св. Григория (X в.) в Питивье,

⁸Jacques Descheemaeker, *Origine de la maison d'Aremberg*, 1971.

⁹ Ալպօյաճեան Ա., Պատմութիւն հայ գաղթականութեան, հ. 1, Գահիրէ, 1941, էջ 332:

воздвигнутая армянскими зодчими¹⁰. Перемещение армян с Востока в Западную Европу в IX–X веках было продиктовано факторами социально-политического характера. Так, в конце IX века византийские войска разгромили павликиан, и часть их бежала в Армению, где их последователями стали тондракийцы, другая же часть была переселена византийскими правителями во Фракию. Век спустя аналогичным гонениям подвергаются (30-е–40-е годы IX–середина XI вв.) тондракийцы. В 70-ых годах X века византийский император Иоанн Цимисхий наносит тондракийцам ряд поражений и насильственно переселяет их во Фракию. Весьма вероятно, что приверженцы этих еретических учений добрались и до Западной Европы. Именно в этот период во Франции, в районе города Пуатье, распространяется учение манихейства. Спустя два века здесь же получает "гражданство" ересь альбигойцев¹¹. Очевидно, армяне сыграли не последнюю роль в "популяризации" дуалистического учения в этом регионе. Выбор Св. Григорием де Питивье и другими переселенцами местности для поселения объясняется также, по мнению Жерара Дедеяна, авторитетом уроженца Орлеана, короля Роберта Набожного–основателя множества религиозных учреждений. Королевкий домен между Сеной и Луарой был местом основания епископских школ (орлеанская, шартрская...). Вместе с тем эти края были привычным пунктом паломничеств: монастырь Св. Мартина Турского, Флерисюр-Луар, где был похоронен Св. Бенуа, базилика с мощами Св. Григория Турского и Св. Саломона (бретонского короля–победителя нормандцев). Эти места посещали не только паломники с Запада, они притягивали также богомолы с Востока, в том числе и из Армении. Известен факт посещения могилы Св. Мартина не только Св. Григорием де Питивье, но и другим армянином, современником Григория, Св. Симеоном де Полироном.

¹⁰ Հայ Միջինը. Հանրագիտարան, Ե., 2003, էջ 622:

¹¹ Jacques Charles, *Pithiviers à travers les siècles*, 1964, p. 30.

Таким образом, через упомянутую в “Житии” Алис мы попытались воссоздать картину взаимосвязей Армении и Франции этого периода и выявить новые грани армяно-французских исторических и культурных контактов.

Отметим еще одну деталь, связанную с Григорием, которая приводится автором жития как бы невзначай. И на этот раз “нам удастся узнать о нем (о житии) больше, чем ему угодно было нам открыть”. Так например, приглашая к себе членов общины для скромной трапезы, Григорий угощает их армянским печеньем из меда и пряностей (*Il leur faisoit lui-même des espiques de pâtisseries, composés de Miel et d'Épice à l'Arménienne*), собственного приготовления. В дальнейшем это печенье стало известно под названием *le pain d'Épice* – пряники.

Впервые на отрывок из *Vita* относительно хлеба, изготовленного Св. Григорием, обратил внимание аббат Муфлэ в своей книге “Краткая история города Питивье”¹². Печенье изготовлялось из ржаной муки, меда и пряностей. Нет сомнений в том, что это был рецепт “*Pain d'Épices*”. Его начали изготовлять в этом регионе с XI века. В последующем это печенье изготовляли по всей Франции. Однако право выдачи разрешения на изготовление “армянского хлеба” в течение продолжительного времени было закреплено за сеньором. Частные лица месили тесто и пекли его в общинных печах, платя при этом небольшую арендную плату. Нубар Арпиарян де Варенц¹³ отмечает, что уцелевшие во время резни армяне-выходцы из Трапезунда и Себастии, вспоминают, что их родители готовили эти пряники по рецепту времен Сенекерима. Ныне в Питивье существует корпорация пекарей (*Boulangers en pain d'épices*), которые выпекают пряники по рецепту, переданному святым Григорием Армянином.

Казалось бы, ничем не примечательный с точки зрения автора жития эпизод из жизни Св. Григория помогает вос-

¹² **Abbé Moufflet**, *Petite Histoire de Pithiviers*, 1947.

¹³ *Noubar Arpiarian de Varentz, Saint Grégoire l'Arménien (Armenia, 1979, N 45, Mai-Juin)*.

создать образ носителя армянской культуры – Григория Армянина. Вторгаясь в регламентированный жанровый канон, в структуру житийного универсума, этот эпизод частично воспроизводит механизм наследования инокультурного явления; последнее становится фактом данной культуры.

Salut a vous, rivages d'Arménie,
Ciel d'Orient, terre des oliviers,
Nicopolis, ville heureuse et bñnie,
Oщ Dieu choisit le Saint de Pithiviers!

Приветствуем вас, берега Армении,
Небо Востока, земля олив,
Никополис, счастливый и благословенный город,
Где бог избрал Святого Питивье!
(подстрочный перевод автора)

Так начинается религиозный гимн Поля Верона, посвященный Святому Григорию. Автор выступает в роли ретранслятора уже известного сюжета “Vita”. Заключает он свою поэму-гимн следующими строками:

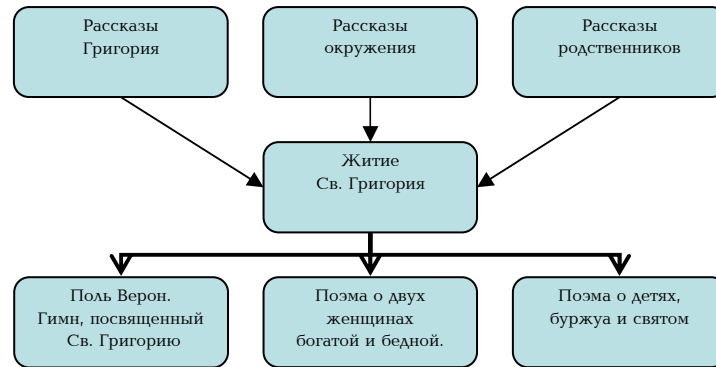
Et huit cents ans ont passй dans l'histoire,
Et c'est encore l'ardeur des anciens jours;
Sur la contrйе ощ fleurit sa мйmoire,
Son nom, son coeur rayonneront toujours!

Восемь веков ушли в прошлое,
Все еще не остыл жар былых дней,
В стороне, где не гаснет память о нем,
Его имя, его сердце будут излучать свет¹⁴!

Обратившись к агиографическому материалу, мы хотели на примере “Жития Св. Григория де Питивье” проследить процесс проникновения восточного, в нашем слу-

¹⁴*Cantique à Saint-Grégoire de Pithiviers (In: Le livre des Pèlerins de Saint- Grégoire, Pithiviers, imprimerie Moderne, 1933, p. 30).*

чае армянского, культурного элемента в западную культуру и аккумуляции в последней культурных ценностей Востока.

Житийные памятники, выступая в роли весомого информационного ресурса, дают возможность реконструирования механизмов и путей взаимопроникновения культур, а также воссоздания исторической эпохи. Предложенное нами прочтение памятника проливает свет и на проблему такого сложного и многогранного явления, как литературный посредник. Это позволяет уяснить роль армян как посредников коммуникации культур в процессе историко-географического распространения литературного материала.

ՍՈՒՐԲ ԳՐԻԳՈՐ ՊԻՏԻՎԻԵՅՈՒ ՎԱՐՔԸ
(վարքագրական հուշարձանի նոր ընթերցում)

ՎԱՐԱԳՅՈԶՅԱՆ Գ. Ա.

Ամփոփում

Վարքագրական գրականությունը, որպես պատմական աղբյուր, ընդգրկում է արժեքավոր փաստական նյութ: Այն թույլ է տալիս վերհանելու նաև միջնադարյան հայ-

ֆրանսիական առնչությունների պատմությունը և մասամբ լրացնելու այդ բացը հայ ժողովրդի պատմության մեջ:

«Սուրբ Գրիգոր Պիտիվիեցու» վարքի հիման վրա փորձ է արվում հետևել հայկական մշակութային տարրի ներթափանցմանը արևմտյան մշակույթ, Արևելքից եկած մշակութային արժեքների կուտակումը նրա կողմից:

Վարքի՝ մեր առաջարկած ընթերցումը լույս է սփռում այնպիսի բարդ և բազմաբովանդակ երևույթի վրա, ինչպիսին է գրական միջնորդը: Դա հնարավորություն է տալիս բացահայտելու վերջինիս դերը գրական նյութի պատմաաշխարհագրական տարածման գործընթացում:

The LIFE OF SAINT GREGORY OF PITHIVIERS (A New Interpretation of the Hagiographic Monument)

G. KARAGYOZIAN

Abstract

Hagiographic literature, as a historical source, contains valuable factual material, which enables to re-create the history of Franco-Armenian relations in the Middle Ages, and partly, to fill the gap in the history of the Armenian people. As a solid informational resource, hagiographic monuments, provide wide opportunities for reconstructing the mechanisms and ways of interpenetration of cultures, as well as recreating a historical epoch.

On the example of “The Life of Saint Gregory of Pithiviers”, The process of how an Eastern, in this case Armenian, cultural element, entered the Western culture and promoted to the accumulation of cultural values from the East, has been traced. This interpretation of “The Life of Saint Gregory of Pithiviers” throws light on the problem of such a complex and many-sided occurrence, as a literary intermediary. This gives an opportunity to clarify the role of the Armenians, as mediators in the communication of cultures, in the process of historical-geographical propagation of a literary material.